

Красный угол в крестьянском жилище: сакральные, информационные и коммуникативные функции

ЕЛЕНА Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ

Рекомендация для цитирования:
Левкиевская Е. Е. Красный угол в крестьянском жилище: сакральные, информационные и коммуникативные функции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(3). С. 183–203.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-183-203>

For citations:

Levkievskaya, E. E. (2024) Sacred Corner in a Peasant's Dwelling: Sacred, Informational and Communicative Functions, *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 42(3): 183–203.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-183-203>

Поступила в редакцию: 23.07.2024; прошла рецензирование: 09.09.2024; принята в печать: 16.10.2024.

Received: 23.07.2024; Revised: 09.09.2024; Accepted for publication: 16.10.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).
© 2024 by the author.

Независимый исследователь,
elena_levka@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1462-299X

В статье прослеживается эволюция структуры красного угла в русской традиции с точки зрения тех вернакулярных функций, которые он выполнял в крестьянском доме XIX — начала XXI в., и того статуса, которым он наделялся. Материалом для работы, выполненной на пересечении этнолингвистического, этнографического и структурно-семиотического подходов, послужили как этнографические данные XIX–XX вв. (публикации Тенишевского бюро, изображения крестьянского интерьера на картинах художников-передвижников), так и результаты полевых исследований последних двух десятилетий в северо-западных областях России. Для понимания истории формирования красного угла привлечены свидетельства иностранцев, побывавших в России в XVI — начале XVIII в. Прагматический анализ имеющихся данных позволяет рассматривать красный угол (в том виде, в каком он известен с XIX в.) как сложно структурированный топос крестьянского жилища, который помимо основной сакральной функции (место расположения православных святынь и молитвы) выполнял более широкие функции ментального и информационного центра, отражавшего интеллектуальные интересы и картину мира хозяина дома. В XX в.,

несмотря на атеистические гонения, красный угол сохранил и расширил статус информационного и коммуникативного центра, «отвечавшего» за связь не только с сакральным, но и с «земным» миром за счет расположения там радио, а позже и телевизора, а также всей ценной для хозяев информации (от Псалтыри и Библии до врачебных рецептов и тетрадей с заговорами).

Ключевые слова: красный угол, икона, вернакулярная религиозность, православие, русская традиционная культура, крестьянское жилище, этнография, семиотика

Sacred Corner in a Peasant's Dwelling: Sacred, Informational and Communicative Functions

Elena E. Levkievskaya

Independent researcher, elena_levka@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1462-299X

The article analyzes the evolution of the «sacred corner» and its structure in the Russian peasant tradition from the point of view of vernacular functions that it performed in the peasant house of the 19th — early 21st centuries. The work was carried out at the intersection of ethno-linguistic, ethnographic and cultural methods. The material for the work comes from field research of the last two decades in the Lower Volga region and in the northwestern regions of Russia as well as ethnographic data of the 19th–20th centuries. The evidences of foreigners who visited Russia in the 16th–18th centuries are used to understand the history of a sacred corner formation. A pragmatic analysis of the available data makes it possible to consider the sacred corner (in the form in which it has been known since the 19th century) as a complexly structured locus of a peasant dwelling. The sacred corner performed broader mental and information functions besides the sacral one. The sacred corner was a symbolic center that reflected the intellectual interests and the worldview of the house owner. The sacred corner retained and expanded the status of an information and communicative center in the 20th century in spite of atheistic persecution it now included both a radio or TV sets as well as the most important information, from psalms and the Bible to medical prescriptions and notes with ritual spells.

Keywords: Sacred corner, icon, vernacular religiosity, Orthodoxy, Russian traditional culture, peasant's dwelling, ethnography, semiotics

САКРАЛЬНАЯ, ритуальная и социальная символика красного угла в русской и, шире, восточнославянской традиции применительно к обширному фольклорному и этнографическому материалу XIX–XX вв. подробно рассмотрена в целом ряде работ¹, в которых исследуется основная семиотическая диагональ, определявшая положение этого маркированного тоposa в традиционном жилище относительно двух других его доминант — стола и печи. Эта диагональ актуализировала основные оппозиции в пространстве дома: священное/земное; христианское/нехристианское (ср. символику печи и запечья как мест обитания домового и душ предков); социально и ритуально престижное/непрестижное (ср. рус. диалектн. *большой угол*, *почётный угол*, *почётный угол*); свое/чужое; мужское/женское: место в красном углу принадлежало хозяину дома и вообще мужчинам, печь и запечье — женщинам и детям (ср. название *бабий кут* для пространства между печью и стеной дома). Традиционный статус красного угла, известный нам по материалам XIX — начала XX в., претерпевал существенные изменения в течение XX в. в связи с социальными и идеологическими потрясениями этого века, однако при всех своих структурных трансформациях не утратил основных функций и символики. Несомненно, практика размещения икон в пространстве дома имеет ареальный характер и во многом зависит от конструктивных особенностей крестьянского жилища в разных географических зонах и его структурных и функциональных изменений в различные исторические периоды (в том числе в период модерности), а также от локальной специфики. Однако анализ всех вариантов расположения красного угла и вообще икон в доме в зависимости от внутренней архитектуры помещения (в частности от расположения печи, стола, входа в избу) требует отдельного исследования и сбора значительно большего объема данных, чем мы располагаем в настоящее время.

Опираясь на наблюдения, сделанные в указанных и других работах, а также на полевые материалы из северо-западных обла-

1. Агапкина Т.А. Символика освоенного пространства: угол // Пространство и время в языке и культуре / Под ред. С.М. Толстой. М.: Индрик, 2011. С. 13–53; Агапкина Т.А. Угол // Этнолингвистический словарь «Славянские древности / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2016. Т. 5. С. 341–345; Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. С.149–160; Криничная Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 28–42; Мороз А.Б. Божница и окно: семиотические параллели // Слово и культура / Под ред. Т.А. Агапкиной. М.: Индрик, 1998. Т. 2. С. 114–125.

стей России², в настоящей статье мы остановимся на тех структурных особенностях красного угла, определяющих его функции в доме не столько как сакрального центра (они очевидны и хорошо исследованы³), но и универсального коммуникативного (в широком смысле этого слова) центра, который служит для взаимодействия не только с Божественным миром, но и с разными социальными сферами земного мира. Об этом свидетельствует, прежде всего, своеобразная структура этого топоса, сложившаяся ко второй половине XIX в. (то есть к тому времени, когда пространство традиционного восточнославянского жилища становится объектом научного наблюдения), которая, несмотря на все катаклизмы атеистической эпохи, в значительном количестве вариантов фиксируется в сельских домах разных регионов России на рубеже XX–XXI веков. Такой аспект исследования красного угла был предложен в работе А. С. Кучумовой⁴ на основе полевых материалов северо-запада России, свидетельствующих о том, что современный красный угол представляет собой довольно сложную дискретную структуру, в которой по вертикали можно выделить три составляющих части: верхнюю (иконы и их декор — полотенца, занавески, украшения из фольги, а также картины и репродукции, зеркало); среднюю, во многом дублирующую верхнюю часть; и профанный низ, «отвечающий» за земную коммуникацию. Здесь сосредоточены телевизор, телефон, газеты, календарь, письма, открытки, счета и ценные бумаги, а на стенах, примыкающих к сакральному пространству — часы, счетчик, плакаты, фотографии хозяев дома и родственников (живых и умерших), розетка, ключи и др.

Состав верхнего яруса остался почти что неизменным по сравнению с прошлым веком, только вместо лубочных картинок появились репродукции и добавилось зеркало (хотя не исключено, что и раньше оно могло занимать эту позицию). Здесь основной интерес представляют декоративные элементы. Основные изменения затронули нижнюю часть красного угла. В ней разме-

2. Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета и АНО «Пропповский центр».

3. См., в частности: *Цеханская К. В.* Иконопочитание в русской традиционной культуре. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2004.

4. *Кучумова А. С.* Красный угол: положение в пространстве (location) как семантический признак вещи // Электронный ресурс: «Русский фольклор в современных записях». [http://www.folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php, доступ от 22.12.2023].

стились все достижения НТР (телевизор, радио и розетка к ним, телефон и выключатель) — кроме, пожалуй, холодильника, его место все-таки на кухне. Таким образом, в красном углу оказываются сосредоточены все возможные средства коммуникации для любых сторон жизни (действительной, ритуальной, религиозной), являющиеся источниками или «приемниками» информации. Благодаря такой ситуации любой предмет в контексте красного угла наделяется дополнительной семантикой общения, сообщения, связи с чем-то⁵.

Данные наблюдения вполне подтверждаются нашими собственными визуальными материалами, собранными во время этнолингвистических экспедиций 2012–2019 гг. в селах Самойловского р-на Саратовской обл., представляющих собой старожильческий украинский анклав, формировавшийся с начала XVIII в. несколькими переселенческими волнами. Нужно добавить, что в современном сельском доме красный угол вполне может располагаться не только в главной комнате (зале), но и на кухне, и в этом случае невысокий холодильник или морозильник вполне может помещаться в красном углу, служа одновременно подставкой для телевизора.

Очевидно, что подобное наполнение красного угла предметами с определенной коммуникативной семантикой — явление позднего времени. Однако есть основание предполагать, что формирование его статуса как информационного центра происходило постепенно в более ранние периоды. Чтобы понять, каким образом на рубеже XX–XXI веков сложилась описанная выше структура, нужно рассмотреть вопрос о том, каким образом происходило и изменялось конструирование красного угла в течение хотя бы последних двух-трех веков, за которые у нас имеются сведения о состоянии крестьянского жилища. Формирование красного угла как самостоятельного сакрального топоса дома (и как одной из трех доминант пространственной горизонтали дома наряду с печью и столом), находящегося в определенном соотношении с двумя другими доминантами, по-видимому, относится к довольно позднему времени⁶, несмотря на то,

5. Там же.

6. Байбури́н А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. С. 129; Слудняков А. О времени распространения красного угла в крестьянских избах Северо-Запада России // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2005. С. 254–260.

что некоторые исследователи связывали его появление с еще дохристианской эпохой, когда в красном углу, по их мнению, могли находиться фигурки неких языческих божков⁷, а также при строительстве дома под юго-восточным углом закапывалась строительная жертва в виде лошадиной головы⁸. Однако отсутствие сколько-нибудь репрезентативного материала, относящегося ко времени ранее XVI–XVII в., не позволяет точно ответить на вопрос, в какой именно период передний угол приобрел свое назначение сакрального топоса, предназначенного для размещения икон и других святынь. Имеются некоторые недостаточно подробные данные (главным образом наблюдения иностранных путешественников XVI — начала XVIII в.), свидетельствующие об отсутствии в этот период в жилом помещении единого универсального для русской культуры места расположения икон. Эти факты позволяют думать, что оформление переднего угла как специально структурированного сакрального места, находящегося по диагонали от печи, в немалой степени зависело от социально-экономического статуса семьи. Первоначально такое формирование происходило в домах богатых людей, способных позволить себе приобретение значительного количества икон, в связи с чем возникала проблема их размещения в определенном месте дома. В бедных жилищах подобное место, очевидно, в это время не было строго регламентировано, а единственная имеющаяся в наличии икона могла находиться в любой части избы (на стене, над дверью, около окна), из-за чего человек, впервые попавший в данный дом, должен был спрашивать у хозяина о месте ее расположения, чтобы перекреститься. Об этом, в частности, свидетельствует английский инженер Д. Перри, работавший в России на рубеже XVII–XVIII вв.:

Между русскими существует обыкновение (особенно между богатыми, которые могли позволить себе эту роскошь) ставить в комнатах своих, преимущественно же в переднем углу, против печи, множество изображений Святых... В доме же бедного человека, где существует только один такой образ... и где бывает очень темно... да где

7. *Шенников А. А.* Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке. СПб.: Б. и., 1993. С. 65–66.
8. *Криничная Н. А.* Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам). С. 28–29.

не всегда перед образом горит и восковая свечка... то чужому человеку, входящему в избу, трудно с первого раза рассмотреть, где находится... образ, и он первым делом спрашивает: «А где же Бог?», на что кто-нибудь из присутствующих указывает ему, на каком месте стены висит образ⁹.

Наличие в жилом помещении красного угла как свидетельство социального положения его хозяев (наряду с другими статусными вещами — портретами, коврами, оружием, зеркалами) отмечается и в других восточнославянских ареалах. В частности, это было характерно для убранства домов украинской старшины времен Гетманства (вторая половина XVII в.): «Обязательным предметом были иконы — иногда целые иконостасы, часто в золоченых серебряных окладах, с лампадами и золочеными киотами, а также рушниками. ...Нередко в красном углу висел и крест, представлявший собой настоящее произведение искусства»¹⁰.

Свидетельства, схожие с наблюдениями Д. Перри, встречаются и у более ранних иностранных авторов, посещавших Московское государство. В частности, Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» (1549) отмечает следующее:

В каждом доме и жилище на более почетном месте у них имеются образа святых, нарисованные или литые. И когда один приходит к другому, то, войдя в жилище, он тотчас обнажает голову и оглядывается кругом, ища, где образ. Увидев его, он трижды осеняет себя знаменiem креста¹¹.

Адам Олеарий, побывавший в Московском царстве в 30-х гг. XVII в., указывал в качестве характерного местоположение иконы угол за столом, хотя, видимо, она могла находиться и в другом месте:

Лишь только войдя в комнату, он [гость — *Е.Л.*] прежде всего обращается к иконе, которая обыкновенно поставлена за столом в углу. Если ее ему не видно, он спрашивает: «Есть ли Бог?» Лишь толь-

9. Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. М.: Общество истории и древностей Российских при Московском университете. 1873. С. 143.

10. Тацрова-Яковлева Т.Г. Повседневная жизнь, досуг и традиции казацкой элиты украинского Гетманства. СПб.: Алетея. 2018. С. 27–28.

11. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб.: Издательство А. С. Суворина. 1908. С. 86.

ко заметив ее, он с поклонами перед нею трижды совершает крестное знамение¹².

У швейцарца Гвидо Мьежа в его «Описании Московии» (1663) есть свидетельство о расположении иконы возле окна (к сожалению, он не уточняет, у какого именно): «Нет ни одного дома, где у окна не висела бы икона с лампадой»¹³. Приведенные факты говорят о том, что, во-первых, еще к рубежу XVII–XVIII вв. в русском жилище не существовало унифицированного сакрального топоса, структурированного по отношению к печи и к столу, а во-вторых, наличие или отсутствие красного угла зависело от сословного статуса хозяев. На это красноречиво указывают приведенные выше наблюдения иностранцев: оказавшись в незнакомом жилище, гость, чтобы перекреститься на икону, вынужден искать ее или спрашивать хозяев о ее местоположении. Очевидно, что в XIX в., когда единообразие сакрального центра дома в русской (и, шире, восточнославянской) культуре уже сложилось, подобный вопрос был бы излишним. К сожалению, иностранные наблюдатели не фиксировали, как именно было оформлено пространство вокруг икон (Д. Перри и Гвидо Мьеж упоминают только о наличии горящей свечи или лампы перед иконой) и размещались ли рядом еще какие-либо предметы — об этом мы можем судить лишь по материалам более позднего времени, когда красный угол стал привычной и обязательной частью восточнославянского жилища и приобрел ту символическую и обрядовую нагрузку, которая многократно фиксировалась исследователями.

Коротко укажем, что расположение красного угла в горизонтальном и вертикальном пространстве жилища в XIX–XX вв. могло варьироваться в зависимости от ареальных конструктивных особенностей дома¹⁴, в частности по отношению к столу, который, как относительно поздняя деталь интерьера, в разных локальных традициях мог размещаться в различных местах жилой зоны — и в углу рядом с печью, и у фронтальной стены комнаты. Такая вариативность связана еще и с разным по высоте рас-

12. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию, через Московию в Персию и обратно. СПб., издательство А. С. Суворина. 1906. С. 317.

13. *Мьеж Г.* Описание Московии при реляциях графа Карлейля // Историческая библиотека. СПб., 1879. С. 29.

14. *Слудняков А. О.* Стол и красный угол в интерьере крестьянской избы Северо-Запада России и Верхнего Поволжья // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 86–100.

положением киота или иконной полки. Если киот был прикреплен в переднем углу на небольшой высоте над лавкой, то стол там поставить уже невозможно — в этом случае сидящий соприкасался бы спиной с иконами. Помимо полевых данных о различной высоте комплекса с иконами свидетельствует и ряд изображений красного угла на картинах, например, у художника В.М. Максимова, который, сам будучи выходцем из крестьян, этнографически точно изображал русское крестьянское жилище. Низкое расположение большого киота с иконами мы видим на его картине «Красный угол в крестьянской избе» (1869). Интересно сравнить оформление красного угла на его же картинах «Слепой хозяин» (1884) и «Больной муж» (1881): в первом случае он представляет собой низко (на уровне головы и плеч сидящего хозяина) расположенный над угловой лавкой большой киот с лампадой, в котором находится несколько икон, во втором случае это высоко прибитая под потолком, находящаяся над постелью, угловая полка, на которой в ряд стоят иконы, а отдельная икона, украшенная троицкой зеленью, висит на стене.

На основе накопленных этнографических и фольклорных материалов можно говорить о сложившейся примерно к середине XIX в. (к моменту начала целенаправленных полевых исследований восточнославянской традиции) и во многом сохраняющейся до сих пор устойчивой структуре красного угла, включающей в себя определенным образом оформленный сакральный центр с христианскими святынями (иконы, крест, Библия) и обширную периферию, содержащую неканонические ритуальные ценности (вербные ветки, пасхальные яйца, обрядовый хлеб, «громничные» свечи, «четверговую» соль, колосья из первого сжатого снопа, документы, записи заговоров, врачебные рецепты, лубочные картинки с изображением значимых лиц и исторических событий и проч.). Обрядовые предметы, обычно помещаемые в красный угол в традиционной культуре, их символика и обрядовые действия, совершаемые в этом топосе в рамках календарных, хозяйственных и семейных ритуалов, многократно описаны в научной литературе¹⁵, поэтому в настоящей работе мы не будем подробно на них останавливаться, касаясь только тех аспектов, которые

15. Агапкина Т.А. Символика освоенного пространства: угол. С. 13–53; Агапкина Т.А. Угол. С. 342–345; Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. С. 149–153.

важны для понимания красного угла именно как информационного и коммуникативного центра жилища.

Структурирование исследуемого топоса, включающего в себя центр и вполне обширную и сложно организованную периферию (которую очень условно можно назвать «профанной»), непосредственно связано с его полифункциональностью: это не только место коммуникации с Богом и сакральными силами, но и пространство любой «земной» коммуникации (внутри семьи, с обществом и проч.), которая, как показывают современные полевые наблюдения, все более расширяется и усложняется с XIX в. к началу XXI в. Применительно ко второй половине XIX в. информация о структуре красного угла, находящихся в нем иконах, порядке их расположения на божнице и особенностях ее украшения в крестьянских домах разного достатка содержится в ряде материалов из центральных губерний России, собранных Этнографическим бюро князя В.Н. Тенишева (вопросы № 241 «Иконы в избе и священные книги <...> Где и как их помещают, чем украшают» и № 294 «Картины и картинки» из тенишевской «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России»). На основе данных материалов можно сделать несколько выводов.

Во-первых, к этому периоду в традиции уже существует обший тип устройства и оформления красного угла, состоящий из устойчивого набора элементов, к которым относятся: сами иконы, способы их фиксации (киот, иконная полка, прикрепление гвоздями к стене); обязательные и спорадические культовые предметы, размещаемые в непосредственной близости от икон (лампада, псалтырь, молитвенник, венчальные, сретенские и пасхальные свечи, ладан, просфоры, троицкая зелень, вербные ветки и др.); обрамляющие их различные украшения и декор из фольги, стекла, бумаги, кружев, кисеи, шелковых лент; а также заполняющая ближнее пространство вокруг икон дополнительная информационная среда — для крестьянского сословия это чаще всего лубочные картинки религиозного и светского содержания, а также любая жизненно важная для хозяев дома информация.

Во-вторых, присутствие в жилище красного угла уже не зависит от финансового положения хозяев дома: наличие религиозного центра и лубочной периферии фиксируется как в бедных, так и в богатых крестьянских домах, различаясь только количеством, качеством отдельных элементов и богатством декора.

В-третьих, отдельные иконы могут располагаться и в других частях дома, например висеть над дверью или на стене над постелью. В частности, о подобной структуре красного угла свидетельствуют материалы из русских сел Казанской губернии:

В каждой избе есть непременно иконы, которые стоят в переднем углу на божнице, на полке или прибиты гвоздями к стене... Каждый крестьянин непременно всеми мерами старается иметь у себя возможно больше икон, бывает от 2 до 40; кроме них, столько же священных (по их выражению — божественных) картин, стараясь ими оббить в несколько рядов весь передний угол возле икон (Спасский у. Казанской губ.)¹⁶.

По свидетельству респондента из другого села того же уезда, «кроме икон в обеих передних стенах в два или три ряда прибиты картины, почти все в рамках или за стеклами — религиозно-нравственного содержания»¹⁷. Наличие некоторой периферии вокруг икон, правда немногочисленной, фиксировалось в том же уезде и в бедных домах: «Возле икон, еще дешевле их, лубочного издания прибиты две-три картины, содержание которых трудно разобрать от накопившейся на них пыли»¹⁸. В периферии красного угла могли размещаться лубочные изображения библейских и евангельских сюжетов (в частности «Чудо св. Георгия о змие», «Страшный суд», «Положение во гроб»), а также любимых значимых лиц, как реальных, так и легендарных. Для рубежа XIX–XX вв. респонденты тенишевского архива фиксируют следующие наиболее частотные изображения, встречавшиеся в крестьянских домах: портреты почитаемого еще до канонизации Иоанна Кронштадтского (Варнавинский у. Костромской губ.)¹⁹, портреты особ царствующего дома (Ветлужский у. Костромской губ.)²⁰, русских полководцев (например, скачущего на коне Суворова), важных исторических событий (война 1812 года, битва Ско-

16. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Казанская губерния. Т. 9. Спасский и Лаишевский уезды. Казань: Центр русского фольклора, 2017. С. 97.

17. Там же. С. 154.

18. Там же. С. 152.

19. Русские крестьяне. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 68.

20. Там же. С. 249.

белева с турками и др.), былинных богатырей (Микула Селянинович, Илья Муромец и др.), виды известных монастырей и храмов. Хотя респонденты тенишевского Этнографического бюро, описывая периферийные составляющие красного угла, указывали, что они вывешивались для украшения дома, а также в определенной степени для повышения социального статуса хозяев²¹, в отдельных случаях они служили своеобразным идеологическим продолжением икон и были объектом ритуальных манипуляций. Так, в одном из крестьянских домов Ильинской волости Галичского уезда Костромской губ. «на стене коло божницы, подальше маненько, была повешена картинка, а на той картинке был нарисован “он” (черт)», которому хозяин, предварительно помолившись на иконы, каждый раз показывал кукиш и говорил: «А тебе — кукиш!»²². Черт, обидевшись на крестьянина, попытался искушать его, но был посрамлен с помощью молитвы.

Дополнительным источником изобразительной информации (за отсутствием фотодокументов данного периода), подтверждающим приведенные выше материалы, могут служить картины художников-передвижников, этнографически точно отражавших особенности народной жизни. В частности, обширная периферия вокруг красного угла видна на картине В. П. Максимова «Лихая свекровь» (1893), где от большого киота с лампадой, обрамленного по бокам венчальными свечами хозяев дома, по обеим стенам «растекаются» лубочные картинки сначала религиозного, а потом все более светского и развлекательного характера. Обеденный стол располагается между окнами фронтальной стены, а на угловой лавке под иконами лежат ткацкие инструменты. Схожее оформление сакрального пространства дома можно наблюдать и на других изображениях крестьянского быта (ср., например, картины В. П. Максимова «Единственный учитель», 1880-е гг., В. В. Пукирева «Дьячок объясняет крестьянам картину Страшного суда», 1868 г. и В. Е. Маковского «Любители соловьиного пения», 1873 г.). Представляет особый интерес картина И. П. Богданова «За расчетом» (1890), изображающая пространство вокруг красного угла в жилище небогатого купца, где организующим и сакральным центром является висящий в углу большой киот с лампадой, в котором находится нескольких наиболее дорогих и значимых икон. Киот окружает периферия, состоящая из де-

21. Там же. С. 94, 249.

22. Там же. С. 225.

шевых лубков, часть из которых явно представляет собой иконы (одна из них с житием какого-то святого), а часть — репродукции картин светских художников (одна из них, очевидно, картина И. Е. Репина «Крестный ход в Курской губернии»). На картине И. П. Богданова видно, что красный угол в данном случае служит не только сакральным, но и информационным центром для хозяина дома: на стене между лубочными иконами и входной дверью размещены важные деловые списки (очевидно, поставщиков или клиентов), а непосредственно под иконами размещается конторка с амбарной книгой, тогда как обеденный стол стоит у окна, ближе к центру комнаты. Вся описанная конструкция представляет собой единое семантическое целое, в котором собственно его сакральная составляющая, сосредоточенная в углу, постепенно сменяется все более светскими элементами (лубочные картинки, деловая информация), расположенными в периферийном пространстве.

Очевидно, что такая ситуация, когда все информационно важные составляющие оказываются сосредоточенными в красном углу, обусловлена не только сословной принадлежностью хозяев дома, но и степенью их образованности. Сугубо прагматическое зонирование крестьянского жилища и его более чем лапидарный интерьер просто не предполагали отдельного локуса, не говоря уже о специальной мебели, для средств, обеспечивающих интеллектуальную, познавательную деятельность. Красный угол, по сути, был единственным «ментальным» местом, где проявлялось мировоззрение человека, его картина мира, а значит, была сосредоточена вся информация, обслуживающая интеллектуальные запросы семьи. В домах образованных слоев общества (дворянства, зажиточной интеллигенции), насколько можно судить по имеющимся изображениям, в красном углу находились исключительно иконы (или одна икона), поскольку для хранения светской информации и интеллектуальных практик в доме и, шире, в общественном пространстве имелись другие места и предметы интерьера (кабинет, письменный стол, книжные шкафы, библиотеки, галереи и проч.).

Рассмотренный материал показывает, что к началу XX в. можно считать состоявшейся практику использования красного угла как «ментального» центра крестьянского жилища, имевшего вполне устоявшуюся структуру, сочетавшую сакральный центр и «профанную» периферию, аккумулировавшую всю полезную для хозяев информацию (в ряде случаев и сугубо делового ха-

рактера). Такая ситуация была кардинальным образом нарушена в результате революции, поэтому положение и трансформация красного угла в советский период требуют отдельного анализа. Поскольку атеистический прессинг охватывал не только все стороны общественной жизни, но и вторгался в сугубо частную сферу, диктуя идеологические нормы оформления домашнего пространства, общим правилом (и формой латентного сопротивления) являлось сокрытие всех домашних святынь и предметов христианского благочестия от посторонних глаз. Очевидно, в разных местах страны существовали различные локальные стратегии, связанные с размещением христианских святынь, во многом зависящие от степени идеологического давления в конкретных местах. Воспоминания информантов из ряда сел Самойловского района Саратовской обл., в частности, свидетельствуют, что местные партийные власти довольно лояльно относились к религиозным практикам, если они имели приватный, домашний характер, преследуя лишь проявления религиозности в общественном пространстве (например, допускалось наличие икон в красном углу частных домов, но подвергалось остракизму появление в школе учеников с нательными крестами или публичное участие в праздновании Пасхи). Однако в большинстве случаев домашняя сфера подпадала под идеологический надзор властей, особенно жесткий, если кто-то из членов семьи был коммунистом и руководящим работником.

Перемещение икон и других сакральных предметов в интимные и сугубо бытовые локусы дома (на кухню, в шкаф, за кровать, в бабий кут) привело к переосмыслению и нивелированию традиционного дореволюционного деления домашнего пространства на сакральную и профанную зоны, к его семиотическому перевертыванию, при котором бытовые части дома вынужденно начали выполнять заместительные функции красного угла. Стоит отметить, что подобная практика коснулась преимущественно тех частей жилища, которые маркировались как «женские», связанные с деятельностью и имуществом хозяйки дома. К таковым относились кухня и особенно бабий кут — отделенное занавеской пространство между печью и стеной, где находилась посуда, в том числе молочная, и другая хозяйственная утварь. Это объясняется не только разумной предосторожностью (вход посторонних, особенно мужчин, на женскую половину дома считался грубым нарушением сельских норм поведения, затрагивающим честь хозяйки), но и тем очевидным фактом, что

поддержание и сохранение веры в советскую эпоху было гендерно обусловленным и в значительной степени осуществлялось усилиями женщин, особенно старшего поколения. Верующая бабушка, которая молилась перед иконами, тайком крестила внуков, учила их молитвам, поддерживала традицию годовых христианских праздников, особенно Пасхи, умела готовить пасхальную пищу — постоянный мотив в нарративах информантов о сохранении веры во время атеистических гонений. Описанная инверсия домашнего пространства привела к разрушению его привычных семиотических оппозиций, при которых сакральное связывалось, во-первых, с мужской, а во-вторых, с парадной, «чистой» и общественно доступной (куда приглашали гостей) частью жилища. Теперь же христианская сакральность скрывалась в женской, сугубо бытовой, хозяйственной, «земной» сфере дома, исконно связанной с дохристианскими представлениями о душах предков (именно за печью находится место домового). Бабий кут был локусом, где хранилось материальное благо семьи (туда ставили молоко после дойки коровы, там же стояла квашня с поднимающимся тестом), которое важно было охранить от возможного сглаза.

О распространенной практике размещения икон в пространстве за печью красноречиво свидетельствуют полевые материалы из севернорусских областей, где бабий кут (с.-рус. *шóлныша*, *сóлныша*) был особенно сильно маркирован и рассматривался как практически интимное пространство хозяйки дома, куда не могли заходить не только посторонние, особенно мужчины, но даже муж мог появляться там только по вынужденной необходимости (например когда занимался «женскими» хозяйственными делами во время болезни жены):

Это хозяйки место. Мужик уже не суется... А так-то... Мое место — вниз дрова рубить. Что я буду там соваться в женско дело? (Лешуконский р-н Архангельской обл.)²³.

А за печкой-то, чулан-то, ишь, солныша-то говорим, потому что он там хозяин живет! Вот из-за этого не пускают. <Хозяин?> Да, домовый-то. Там хранит дом, и он никому не показывается, вот так,

23. Степанов А. В. Опыт прагматической интерпретации пространства севернорусской избы // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 201–202.

из-за этого в солнышу-то не запускают чужих людей-то (Лешуконский р-н Архангельской обл.)²⁴.

Бабий кут с перенесением туда икон становился субститутотом красного угла и получал дополнительные сакральные коннотации как универсальное место коммуникаций со всеми иномирными силами, в том числе и христианскими:

А дед-то у нас был партийный-то, и невестка, это, и золовка-то, Лиди-то, была партийная. Так вот бабушка, дед вот хотел вынести иконы-то, а бабушка, свекровь-то, не дала. «А это, — говорит, — моя комната, кухня-то», — дак вот она и поставила сюда (Сямский р-н Архангельской обл.)²⁵.

Да, иконы, чтобы не видели вот эти, ведь раньше партийные, знаешь, ходили, деятели-то секретари партийные дак каждый день. Была тут партийная ячейка. Вот эту икону, я помню, бабушка молилась туда, в запечье была повешена икона така, больша-больша. В углу. И вот она уйдет туда, в запечье, и молится (Мезенский р-н Архангельской обл.)²⁶.

Можно говорить о значительной смысловой эволюции всего запечного пространства, произошедшей в советский период, — оно приняло на себя не только молитвенную, но и другие ритуальные функции, прежде принадлежавшие исключительно красному углу, в частности такое, как материнское благословение уходящего в армию новобранца²⁷. Таким образом, значительно редуцировалась основная семиотическая диагональ, традиционно создававшая в пространстве дома противопоставление двух по-разному маркированных топосов «красный угол — запечье».

Однако практика перемещения христианских святынь в запечье, на кухню и в другие укромные места жилища вовсе не привела к исчезновению самого красного угла как важного информационного центра и особым образом сконструированного пространства, где вместо икон вывешивались другие важные для хозяев изображения: оформленные в виде коллажа фотографии

24. Там же. С. 201–202.

25. Там же. С. 205.

26. Там же. С. 205.

27. Там же. С. 205.

родственников, портреты общественно значимых лиц (Есенина, Гагарина и др.), а также цветные репродукции светских картин западных и русских художников, публиковавшихся в журналах «Работница» и «Крестьянка». Характерно, что помещавшиеся в красном углу изображения могли оформляться такими же украшениями, как и иконы (рушниками, блестящей мишурой, цветной бумагой, яркими обертками от конфет). В ряде случаев существовало правило при отсутствии образов оставлять в красном углу пустую божницу, которая выполняла роль субститута иконы и фактически брала на себя ее функции: «на нее крестилась, хранили на ней вербные ветки и четверёжку — выпеченный в Великий четверг хлебец, который при первом выгоне скормливается скоту» (Каргопольский р-н Архангельской обл.)²⁸. В соответствии с общей семантикой красного угла как средоточия ментальной сферы дома, в 30-е гг. XX в. в пустую божницу могли вставлять репродукторы и радиоприемники, а позже это логически повлекло за собой привычку ставить в красный угол и телевизор, хотя его роль как символического антипода божественному образу, как правило, хорошо осознавалась самим хозяевами: «Раньше в большом углу боженька/икона была, а теперь черт с рогами» (имеется в виду антенна телевизора)²⁹.

Сокрытие святынь могло принимать форму не пространственной, а идеологической инверсии: выражение «Перевернуть Карлу Марлу на Пресвятую Богородицу» указывало на существовавшую в советское время практику днем вывешивать в красном углу портреты Карла Маркса и других вождей, а вечером — икону Богородицы и других святых (сведения получены В. Г. Безрозовым от информантки 1939 г.р.)³⁰. В этом случае красный угол выполнял статус двойственного идеологического центра, где одновременно располагались образы как небесной, так и земной власти. Портреты коммунистических вождей могли помещаться в красный угол³¹ как вынужденно — для прикрытия христианских святынь, так и вполне добровольно — в знак изменения хозяином

28. Мороз А. Б. Красный угол без иконы // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей. М.: РГГУ, 2013. С. 119.

29. Там же. С. 119.

30. Безрозов В. Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 157.

31. Мороз А. Б. Красный угол без иконы. С. 119.

дома мировоззренческих позиций и демонстрации лояльности советской власти. Показательно, что для этого в пространстве дома не создавалось новое, альтернативное сакральное место, а использовалось старое, имевшее расширенное значение топоса для размещения всей идеологической информации, а не только христианской. Все эти факты свидетельствуют о том, что красный угол в советский период отнюдь не утратил своего статуса коммуникативного и информационного топоса (несмотря на то, что христианские святыни могли быть оттуда или вовсе удалены, или перемещены во внутренние части помещения), а лишь укрепил его благодаря аккумулярованию им всех элементов, отвечавших за формирование актуальной на данный момент картины мира.

Попутно заметим, что изменение расположения красного угла в общей структуре дома могло происходить не только из-за атеистического прессинга, но и из-за разрушения архитектурных особенностей традиционного жилища и замены их советскими строительными стандартами и технологиями (например при замене печного отопления газовой колонкой или паровым отоплением), при которых привычная диагональ «красный угол — печь» нивелировалась, а иконы размещались в наиболее подходящем углу, как правило, ориентированном на юго-восток.

Все рассмотренные выше трансформации привели к тому, что в постсоветский период место красного угла в общей структуре дома стало довольно свободно варьироваться и, как показывают экспедиционные материалы, располагаться не только в главной жилой комнате, но и на кухне, в спальне, а также дублироваться: в красном углу парадной части дома может размещаться одна наиболее важная икона (обычно свадебная, которой хозяев благословляли родители в день бракосочетания), а на кухне существовать еще один красный угол с иконами попроще и окружением из бумажных икон и православных календарей. Экспедиционные материалы последних десятилетий свидетельствуют об усложнении по вертикали и расширении по горизонтали структуры этого топоса. В нем по-прежнему вполне четко выделяется сакральный центр или в виде киота с лампадой (закрывающем в себя одну большую или несколько маленьких икон), или в виде угловой полки с расположенными на ней иконами и другими освященными ритуальными предметами, набор которых практически не поменялся с XIX в. (вербные ветки, свечи, просфоры, кусочки пасхального хлеба, ладана и подобное). Периферийная сфера этого пространства, непосредственно примыкающая к иконам,

существенно усложнилась за счет деления на сакральный верх и профанный низ, включающий в себя предметы, «отвечающие» за «земную» коммуникацию: помимо появившихся здесь в советское время радиоточки и телевизора в нижней части красного угла часто размещаются стационарный, а в последние годы и сотовый телефон с зарядным проводом, очки, ключи, счета за коммунальные услуги, медицинские рецепты и проч.

Современное зонирование красного угла, подробно рассмотренное в работе А. С. Кучумовой на полевом материале из северо-западных областей России³², позволяет рассматривать его как результат достаточно длительной эволюции, начальные этапы которой прослеживаются на материалах XIX в., в период, когда под влиянием технологий крестьянам становится доступной дешевая изобразительная продукция, наличие которой в доме осмыслялось как один из знаков престижности его хозяев. Идеологический прессинг XX в., ставший своеобразным культурным экспериментом, показал, что народная традиция (если понимать под ней, вслед за К. В. Чистовым, подвижную систему аккумуляции, отбора и трансляции жизненного опыта³³) обладает значительной гибкостью и ресурсами для прагматической и семиотической перекодировки домашнего пространства, при которой функции сакрального топоса в определенной ситуации может брать на себя противоположный член прежней бинарной оппозиции «красный угол — бабий кут». Это подтверждает известную мысль П. Бурдые³⁴ о том, что символические значения топосов не являются раз и навсегда закрепленными архетипическими шаблонами, а воспроизводятся и порождаются заново в конкретных прагматических условиях и в конкретных практиках, переосваиваются и переосмысливаются под влиянием опыта. Семиотический статус красного угла, сформированный комплексом социокультурных практик предшествующих эпох, не присваивается актуальной традицией в неизменном виде, а переосмысливается и используется в зависимости от ее потребностей и поведенческих стратегий человека.

32. Кучумова А. С. Красный угол: положение в пространстве (location) как семантический признак вещи.

33. Чистов К. В. Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 14–22.

34. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 105–109.

Библиография / References

- Агапкина Т.А. Символика освоенного пространства: угол // Пространство и время в языке и культуре / Под ред. С. Толстой. М.: Индрик, 2011. С. 13–53.
- Агапкина Т.А. Угол // Этнолингвистический словарь «Славянские древности / Под ред. Н. Толстого. М.: Международные отношения. 2016. Т. 5. С. 341–345.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
- Безрогов В.Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 130–162.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С. 105–109.
- Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1908.
- Криничная Н.А. Красный угол: об истоках и семантике сакрального локуса (по севернорусским материалам) // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 28–42.
- Кучумова А.С. Красный угол: положение в пространстве (location) как семантический признак вещи // «Русский фольклор в современных записях». [http://www.folk.ru/Research/kuchumova_krasny_ugol.php, доступ от 22.12.2023].
- Материалы фольклорной экспедиции РГГУ в Самойловский р-н Саратовской обл. 2012–2019 гг.
- Мъез Г. Описание Московии при реляциях графа Карлейля // Историческая библиотека. СПб., 1879. № 5. С. 1–46.
- Мороз А.Б. Божница и окно: семиотические параллели // Слово и культура / Под ред. Т. Агапкиной. М.: Индрик, 1998. Т. 2. С. 114–125.
- Мороз А.Б. Красный угол без иконы // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве / Сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 117–125.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию, через Московию в Персию и обратно. СПб.: Издательство А.С. Суворина. 1906.
- Перри Д. Состояние России при нынешнем царе // Чтения императорского общества истории и древностей Российских. М., 1871. № 1.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева / Под ред. И.И. Шангиной, Е.Л. Мадлевской. СПб.: Деловая полиграфия. 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Казанская губерния / Под ред. Д.А. Баранова, И.И. Шангиной. Казань: Центр русского фольклора. 2017. Т. 9. Спасский и Лаишевский уезды.
- Слудняков А.О. О времени распространения красного угла в крестьянских избах Северо-Запада России // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона / Сост. О. Илюха. Петрозаводск, 2005. С. 254–260.
- Слудняков А.О. Стол и красный угол в интерьере крестьянской избы Северо-Запада России и Верхнего Поволжья // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 86–100.
- Степанов А.В. Опыт прагматической интерпретации пространства севернорусской избы: шолныша // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 194–215.

- Таирова-Яковлева Т. Г.* Повседневная жизнь, досуг и традиции казацкой элиты украинского Гетманства. СПб.: Алетея. 2018.
- Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета и АНО «Пропповский центр».
- Цеханская К. В.* Иконопочитание в русской традиционной культуре. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004.
- Чистов К. В.* Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 14–22.
- Шенников А. А.* Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI веке. СПб.: Б. и., 1993.